

Архив

ПИСЬМА Б. А. КИСТЯКОВСКОГО К М. О. ГЕРШЕНЗОНУ

(1907—1909)

Переписка социолога и правоведа Богдана Александровича Кистяковского (1868—1920) с историком, публицистом, одним из организаторов «Вех» Михаилом Осиповичем Гершензоном (1869—1925), велась без сколько-нибудь значительных перерывов в роковые для России годы — с 1907 по 1916. Этот период был важен для них обоих, именно тогда эти выдающиеся представители отечественной культуры, чьи имена долгое время тщательно умалчивались официальным обществознанием, создали наиболее значительные свои произведения.

Письма Кистяковского (их 66) уцелели почти полностью. Они хранятся в архиве М. О. Гершензона в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Из писем Гершензона осталось всего четыре, и поскольку они написаны позже (с 1910 по 1912 г.), по соображениям хронологии мы не включили их в настоящую публикацию. Хранятся они в архиве Б. А. Кистяковского в Отделе письменных источников Государственного исторического музея.

Несколько слов о событиях, непосредственно предшествовавших началу переписки.

Весной 1906 г. Кистяковский вернулся в Россию из Германии, где участвовал в работе основанного совместно с П. Б. Струве журнала «Освобождение», и тотчас активно занялся научно-публицистической деятельностью. Его статьи печатались в «Полярной звезде», «Свободе и культуре», «Праве», «Московском еженедельнике». С осени того же года Богдан Александрович надолго поселился в Москве. На Коммерческих курсах он читал лекции по государственному и административному праву. Кистяковского очень заинтересовала работа комиссии по организации домашнего чтения, где в течение многих лет сотрудничали Е. Н. Орлова (внучка декабриста М. Ф. Орлова) и Гершензон. Елизавете Николаевне и принадлежит идея журнала «Критическое обозрение», который она на свои средства начала выпускать с 1907 г. Это было незаурядное и по-своему уникальное издание, всецело посвященное не столько научной критике, сколько — как сказали бы мы сейчас — научной информации. К сожалению, журнал оказался недолговечным: в декабре 1909 г. вышел его последний выпуск. Из шести отделов журнала (философский, литературный, экономический, юридический, естественно-научный и исторический) Кистяковский и Гершензон возглавляли соответственно юридический и литературный. Как видно из публикуемых писем, когда их автор находился в отъезде, его обязанности по отделу исполнял Михаил Осипович, а когда с 1908 г. Кистяковский официально стал редактором, на плечи Гершензона ложилось в таких случаях и общее руководство журналом.

Философский отдел возглавлял приват-доцент Н. Д. Виноградов. Доктор философии Оксфордского университета и специалист по Юму, он был членом редакции «Библиотеки для самообразования». Между ним и нашими друзьями происходили порой трения, и это, понятно: ведь и до и после издания «Вех» они постоянно вторгались в его «епархию». Упоминается в письмах и заведующий экономическим отделом приват-доцент П. П. Гензель. Часто передает Кистяковский привет Гершензону от Дмитрия Моисеевича Петрушевского (1863—1943) — историка-медиевиста, профессора Московского университета, близкого друга обоих. Петрушевский вел в «Критическом обозрении» исторический отдел.

С самого начала журнал привлек к себе выдающихся деятелей науки и литературы того времени. Назовем имена лишь некоторых из них: В. Я. Брюсов, А. Белый, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Вячеслав Иванов, П. И. Новгородцев, С. Л. Франк, Г. Г. Шпет, А. С. Изгоев, В. М. Хвостов.

Курсивом выделены имена будущих авторов «Вех». Таким образом, за исключением П. Б. Струве все «веховцы» — участники «Критического обозрения». Более того, опыт работы в нем во многом способствовал зарождению самой идеи сборника, посвященного проблемам русской интеллигенции. И вовсе не случайно первое издание «Вех» печаталось в типографии В. И. Саблина, где с третьего выпуска 1908 г. печаталось «Критическое обозрение». В большинстве своем так или иначе связаны с ним даже кандидатуры предполагаемых вначале, но потом в силу разных причин отклоненных авторов.

Словом, история журнала является органической частью истории сборника «Вехи». И в этом смысле незаменимый источник — письма Кистяковского. Разумеется, они окажутся большим подспорьем и для тех, кто изучает его научную биографию, и для тех, кто интересуется жизнью и творчеством Гершензона.

Наконец, письма эти — своеобразный памятник дружбы, возникшей в 1907 г. и остававшейся неизменной до самой смерти одного из друзей. Тон первых писем еще довольно суховат, они носят чисто деловой характер, по постепенно их эмоциональность возрастает, Кистяковский все чаще упоминает о своих домашних обстоятельствах (впрочем, никогда не переступая границы допустимого). Здесь уместно сказать и о двух женщинах, имена (иногда инициалы) которых встречаются в письмах: Мария Вильямовна (урожденная Беренштам) — жена Кистяковского с 1899 г., внучка известного православного философа Ореста Новицкого. Мария Борисовна — жена Гершензона, сестра известного музыканта А. Б. Гольденвейзера. Обе женщины сыграли выдающуюся роль в жизни своих мужей.

Начиная с декабря 1908 г. Гершензон обретает постоянное место жительства во флигеле дома Е. Н. Орловой (поэтически описанного Андреем Белым), и с этого времени письма отсылаются по адресу: Арбат, Никольский пер., 19 (ныне — Плотников переулок). Это же — адрес конторы «Критического обозрения», здесь также находился склад «Вех».

Весной 1907 г. Кистяковский отправился в Петербург, чтобы участвовать в газете «Дума», которую издавал П. Б. Струве. Вторая Государственная Дума, как известно, была распущена третьего июня. Под запретом оказалась и газета. Вскоре после этого Кистяковский вернулся в Москву и приступил к работе в «Критическом обозрении» и к чтению лекций на летних курсах для учителей. Гершензон жил в это время на даче в Кунцеве, куда и адресовано первое письмо.

КИСТЯКОВСКИЙ — ГЕРШЕНЗОНУ

1

14.VI.07

М(осква)

Дорогой Михаил Осипович! Я приеду к Вам завтра 15-го числа после лекции, которая окончится в 7 ч. вечера, или с поездом в 8 ч. 2 м. или с поездом в 8 ч. 32 м. Мне очень хочется с Вами поговорить, а кроме того Елизавета Николаевна в своем письме ко мне просит, чтобы я увиделся с Вами. Крепко жму Вашу руку. Ваш Б. Кистяковский

2

20.VIII.07

Почт. ст. Б. Сорочинцы, Полтавск. г. Миргородского у.

Дорогой Михаил Осипович! Мне очень приятно было получить Ваше коллективное послание; я мысленно перенесся в Ваш кружок и пожалел, что меня не было в тот вечер с вами всеми. С Вашим решением относительно «Критического обозрения» я совершенно согласен. Своим сотрудникам я понаписывал длинейшие письма, убеждая, увещевая, напоминая, настаивая, а иногда и умоляя. Надеюсь быть аккуратным, но все-таки я в

руках у сотрудников.

Кстати, я забыл упомянуть в письме к Елизавете Николаевне, которое я вчера написал ей, что для третьего выпуска мне обещал передать свой обзор литературы по избирательному праву В. М. Устинов [1]. Ему я тоже написал длинное письмо, напомнив о его обещании. Кроме того в редакции имеется рукопись обзора литературы по неприкосновенности личности, составленного Н. Н. Полянским [2]. Ему я обещал непременно напечатать его работу в третьем выпуске в качестве сборной рецензии или обзора. Для четвертого выпуска по моему отделу, кажется, не были еще намечены обзоры. Но вообще меня беспокоит только судьба третьего выпуска, а на участь дальнейших я смотрю более уверенно.

Особенно сочувствие с моей стороны встретило Ваше решение элиминировать Гольдштейна [3] при посредстве А. Э. Вормса [4]. Он пристроил его к нам, его дело и убрать его, тем более, что и сам Гольдштейн ссылается на него, как на высшую инстанцию.

Я здесь больше месяца проводил время самым гнусным образом: совсем не брал в руки ни книги, ни пера и только работал топором и лопатой. Дома мне не пришлось ставить, так как не было заготовлено леса, и теперь я сдам постройку его с подряда. Но зато я увлекся очисткой мыса и планировкой земли. В результате такого времяпрепровождения теперь я испытываю угрызения совести и сожаление об утерянном времени, канувшем в вечность. Завидую Вам, живущему в пригородной даче и не подверженному подобным увлечениям. Вероятно, за это время Вы массу сделали.

Публика здесь в этом году менее интересна уже хотя бы потому, что нет Короленка [5]. В его доме жил в этом году Герд [6] с семьей (брат Н. А. Струве). Но он интересуется почти исключительно педагогией, а здесь он проводит время исключительно с детьми, занимаясь с ними ботаникой. Впрочем, на днях познакомился здесь с одной Вашей берлинской знакомой — художницей, которая окончила в Берлине курс медицинского института и теперь здесь земским врачом. Однако у меня нет времени для того, чтобы ближе узнать ее. Отсюда я уезжаю через неделю 27-го августа в Киев на несколько дней к матери, а 1-го сентября буду в Москве. Передайте мой самый сердечный привет Марии Борисовне.

Крепко жму Вашу руку. Ваш Б. Кистяковский.

P. S. Одновременно пересылаю номер «Киевские Вечера» (alias [7] К. Отписки <?>) с рецензией на «Критическое обозрение» II выпуск для передачи Елизавете Николаевне.

3

2.XI.1907 г.

Дорогой Михаил Осипович! Окажите мне услугу: прочтите прилагаемую рецензию С. Шумакова [8] и выскажите откровенно свое мнение. Что это — безграмотность или модернизм? На этой неделе, к сожалению, мне не удастся зайти к Вам. Буду у Вас на будущей неделе в пятницу.

Привет Марии Борисовне. Крепко жму Вам руку. Сердечно Вам преданный Б. Кистяковский.

4

Дорогой Михаил Осипович! К сожалению, я не могу исполнить мое первоначальное намерение и навестить Вас завтра в пятницу. Приходится отложить посещение Вас до вторника.

Мой привет Марье Борисовне. Дружески жму Вам руку! Сердечно Вам преданный Б. Кистяковский.

Berlin N. W.
Dorotheenstr. 36 Pens. v. Engelbrecht.

Viele schone Grusse aus Berlin an Sie und Ihre Frau Gemahlin von Ihren Kistiakowski [9]

Berlin

Дорогой Михаил Осипович! Большое спасибо за Ваше письмо; оно перенесло меня в круг московских литературных интересов и в обстановку наших вечерних бесед у Вас на дому, а это было мне очень приятно. Как я ни наслаждаюсь здешней жизнью, мысль моя неразлучна с жизнью в Москве. Да, на мою долю выпало большое счастье — уехать из московской праздничной суеты, чтобы возвратиться опять к духовной и деловой жизни! Я здесь наслаждаюсь возможностью спокойно, регулярно и интенсивно работать. Никогда еще, пожалуй, я в такой короткий промежуток не узнал столько и не передумал столько! Я тут живу только для себя, только учусь и только совершенствуюсь. Пока мне нет до других дела, и мне нечего думать, что бы дать другим. Я здесь совершенно свободен от желания и необходимости писать, и я избавился от мук слова; кроме писем и открыток я не написал ни строчки.

Но надо уже думать и о возвращении в Москву; к двадцатому я приеду. Когда-то мы увидимся? — мне будет хотеться ускорить наше свидание. Очень рад, что у Вас дома все благополучно. Надеюсь, рецензенты не отравили Вам сознания удовлетворения от сделанного Вами в двух Ваших книгах [10], хотя рецензентское невежество и казуиство в «Русских Ведомостях» положительно может вывести из себя. Я получил из дому самые лучшие известия. «Драгоманов» [11] может выйти только на днях, так как я подписал к печати предисловие и оглавление только 19 и 20.XII.

Мой сердечный привет Марии Борисовне. Крепко жму Вам руку. Душою Вам преданный Б. Кистяковский.

Дорогой Михаил Осипович! Мы ищем в Коммерческом Институте преподавателя педагогической психологии. Выдвигается даже кандидатура Шпетта, но она будет отвергнута [12]. Если бы я выдвинул Вашу кандидатуру, то я мог бы рассчитывать на некоторый успех ее. Для этого мне лично нужно Ваше согласие. Позвольте действовать в Вашу пользу — 2 лекционных часа, 720 руб. в год.

В четверг мы уже будем выбирать Дмитрия Моисеевича па историю хозяйственного быта. Но на всеобщую историю у нас нет никого; Виппер [13] отказался. Не можете ли Вы мне подсказать какую-нибудь кандидатуру?

Очень Вы меня огорчаете своим отказом быть общим редактором «Критического Обозрения» [14]. А как бы дело процветало! Ответьте мне, пожалуйста, относительно Вашей кандидатуры сегодня же по телефону 247-79.

Сердечный привет Марии Борисовне. Крепко жму Вам руку. Ваш Б. Кистяковский

М(осква)

Дорогой Михаил Осипович! Передайте Михаиле рецензии Вашего отдела для ноябрьского выпуска (Франка [15] и др.). Во вторник я хотел зайти к Вам, по Вас не было

дома. Увидимся в воскресенье. Крепко жму Вам руку. Ваш Б. Кистяковский

9

1-го ноября 1908 г.

Голубчик Михаил Осипович! Напишите для «Вестника Европы» о книгах Шпрингера «Национальная проблема» [16] и Мижучева «Счастливая Австралия» [17] и отдайте Вашу статью о современном студенчестве (по поводу книги Адама Лень) для современно-общественной жизни в «Критическое Обозрение». Я Вас очень прошу сделать это. О национальной проблеме Шпрингера у Вас все мысли готовы и написать заметку Вам ничего не будет стоить, я же смогу цитировать Вас и в государственном праве, как цитировал в праве международном.

О «Счастливой Австралии» у Вас всегда найдется что написать. Посылаю Вам эти книги. Не знаю, знакомы ли Вы вообще с Мижучевым, а потому посылаю Вам те из его предыдущих книг, которые у меня есть. Об остальных можете узнать из обложки.

Еще и еще раз прошу Вас отдать Вашу статью о современном студенте в «Критическое Обозрение». Крепко жму Вам руку. Ваш Б. Кистяковский.

10

19-го ноября 1908 г.

Дорогой Михаил Осипович! Очень Вас прошу ознакомиться с прилагаемой перепиской, так как она имеет деловой характер. Вам будет неприятно узнать, что я почти целый месяц вел переписку относительно Вас, и читать в целом ряде писем отзывы о себе; но я делал это по обязанности редактора, а Вы, как писатель, принадлежите не только себе, но и обществу и должны мириться с тем, что Ваша личность иногда становится общественным достоянием.

Дело, о котором идет речь в прилагаемых письмах, для Вас станет совершенно ясным из их содержания, и к нему мне нечего прибавлять; лучше всего если Вы ознакомитесь с ними в хронологическом порядке, как они и расположены в конверте. Теперь могу только сказать, что я не допускаю мысли о Вашем отказе осуществить план, развиваемый в этой переписке. Ваш отказ поставил бы в самое тяжелое положение «Критическое Обозрение» и меня: я больше месяца жил и работал над «Критическим Обозрением» в надежде на осуществление этого плана, из-за него я заставил остальных редакторов «Критического Обозрения» па время отложить свои занятия, приняться за чтение «Вестника Европы» и писать мне письма; неудача в этом деле поставила бы меня в самое невозможное положение в редакции.

Итак, я питаю глубокую надежду, что Вы отнесетесь с должным уважением к единогласному мнению и искреннему желанию всех Ваших товарищей по редакции «Критического Обозрения» и не выкажете пренебрежения к нашему изданию и его интересам. Чувство ответственности должно Вам подсказать, что Вы должны взять на себя обязательство работать в «Критическом Обозрении» па новых основаниях [18].

В надежде на Ваше согласие я прошу Вас назначить мне время для детальных переговоров; я могут быть у Вас сегодня или завтра вечером. Все переговоры, пожалуйста, ведите только со мной и не говорите об этом деле с Елизаветой Николаевной; с подобной же просьбой я обращался и к Елизавете Николаевне. Крепко жму Вам руку.

Душою преданный Вам Б. Кистяковский.

11

20-го ноября 1908 г.

Дорогой Михаил Осипович! Вторая часть Вашего письма несколько утешила меня;

спасибо и за это! Я буду очень настаивать на исполнении Вашего обещания писать для каждой книжки «Критического Обозрения» и уверен, что скоро Вы сами признаете справедливость перехода к той форме сотрудничества, которая единогласно предложена Вам всей нашей редакцией.

У Марии Вильямовны сегодня нет абонементного спектакля, и оба мы свободны вечером. Но и мне и М. В. удобнее, чтобы Вы с Марией Борисовной пришли к нам, а не мы к Вам. Итак, надеюсь видеть Вас обоих сегодня вечером.

Крепко жму Вам руку. Преданный Вам Б. Кистяковский.

P. S. Пожалуйста, захватите письма С. Л. Франка и Н. А. Котляревского [19].

12

22-го ноября 1908 г.

Дорогой Михаил Осипович! «Делопроизводство» продолжается и обогащает мое досье. Я разослал редакторам копии отрывка из Вашего письма ко мне. В ответ получил сегодня прилагаемое письмо П. П. Гензеля. Приблизительно то же говорил мне сегодня по телефону Н. Д. Виноградов. (Он между прочим сообщил мне также, что получил письмо от Аскольдова [20] в примирительном духе.) Дмитрий Моисеевич ответил мне лаконически и неопровержимо: «Михаил Осипович в своем праве».

Для Вашего отдела в декабрьском выпуске я сохраняю от 12 до 15 страниц. Письмо П. П. Гензеля верните мне через Елизавету Николаевну. Крепко жму Вам руку. Преданный Вам Б. Кистяковский

13

23 Dec. 1908/5 Jan. 1909

Berlin

Dorotheenstr. 36 Pens. v. Engelbrecht.

Дорогой Михаил Осипович! Сегодня, проходя мимо одного книжного магазина увидел и, зайдя, купил брошюру Schulze-Gaevernitz'a Marx oder Kant? (Rede, gehalten bei der öffentl. Feier der Uebergabe des Prorectorats) 2 Aufl. Freiburg a. B. u. Leipzig 1909. Pr. 1M. 40Pf. S. 63. Ее необходимо послать С. Л. Франку [21], а у меня нет его адреса. Хотел было послать ее Вам для дальнейшей пересылки, но сообразил, что получится в праздничные дни, когда трудно сноситься с почтой. Поэтому немедленно по получении этой открытки сообщите мне открыткой же адрес С. Л. Пока получится адрес, я смогу дочитать эту брошюру. Наслаждаюсь и нервно отдыхаю, затерянный в этом шумном Берлине. Не могу представить себе более блаженного существования, чем веду теперь. Приятных праздников! Привет Марии Борисовне. Крепко жму Вам руку. Ваш Б. Кистяковский

14

30-го дек. 1908

Берлин

Dorotheenstr. 36 P. Engelbrecht.

Дорогой Михаил Осипович! Шлю Вам и Марии Борисовне сердечные поздравления и пожелания всего лучшего с Новым годом. Я чувствую себя здесь превосходно! Уже начал писать статью «Интеллигенция и правосознание» [22]. Как живете и работаете? На днях напишу Вам подробно. Крепко жму Вам руку. Ваш Б. Кистяковский

15

Берлин

16-го янв. 1909 г.

Дорогой Михаил Осипович! Большое спасибо за Ваши хлопоты о моем отделе. Я никак не думал, что оно причинит Вам столько затруднений. Очень рад, что теперь дело устроилось. Если для своевременного выхода номера нужно, чтобы рецензии моего отдела печатались без моей редакции, то я вполне согласен па это.

Ваше сообщение относительно обзора Авинова «Государственно-правовое положение Финляндии» [23] я не совсем понял. Вскоре после получения письма от Тарановского [24] я писал Авинову и просил его: если может поторопиться, то доставить обзор в первых числах января. Я предполагал, что Вы сдадите его в набор и пришлете его корректуру мне. Он мне ответил, что доставит обзор к 25-му января, и я успокоился. Теперь Вы пишете, что он доставил обзор 16-го утром, и выходит так, что Вы хотите его пустить в январский номер без моей редакции. Я считаю это неудобным; обзор чересчур ответственная вещь; этим обзором я очень интересуюсь и хотел бы по меньшей мере пополнить литературу (пробелы неизбежны, так как один человек теперь не может хорошо составить библиографию по этому вопросу). Поэтому если у Вас достаточно материала, то отложите этот обзор до февральского номера; если мало, то пускай лучше номер выйдет с опозданием. Я приеду 22-го и 23-го утром могу сдать этот обзор в верстку; номер выйдет к 28-му. Простите, если я Вам причиняю этим неприятность! Теперь-то Вы узнали, что значит быть редактором «Критического Обозрения»! Не работа страшна, а волокита.

В данный момент я очень спешу, а через несколько дней я рассчитываю с Вами увидеться. Пока всего хорошего! До скорого свидания! Поклон Марии Борисовне. Крепко жму Вам руку. Ваш Б. Кистяковский.

16

Berlin

Dorolhecnstr. 36 Pens. V. Engelbrecht.

4/17.1.09

Дорогой Михаил Осипович! Очень меня беспокоит положение январского выпуска «Критического Обозрения». Представьте себе, на днях получил письмо от Тарановского, который к 1-му января должен был прислать обзор «История развития верховной власти в России» (раньше он даже сообщил мне план его) с извинением, что за недостатком времени не может его написать [25]. Он отказывается дать в этом полугодии что-либо — диссертация, курсы и т. д. Я написал Авинову, чтобы он торопился с своим обзором «Государственно-правовое положение Финляндии». Но мы с ним уславливались, что он дает его для февральского выпуска. С рецензиями у меня еще неблагоприятнее: Чубинский отложил свою рецензию на март или апрель [26], Гессен тоже не напишет [27], Муромцев [28] в Италии, и я не знаю его адреса, да к тому же из двух книг, которые я ему предложил, я мог послать ему только одну, о другой пока не имею сведений Александры Ивановны. Остаются Новгородцев о книге Палиенко, Шершеневич о Топоре-Рабчинском — Макиавелли, Кокошкин о Энсоне (Английск. Парламент), Нечаев о Винавере и Фатеев о Рейснере [29]. Всем им я написал отсюда и просил выслать свои рукописи в редакцию, откуда их немедленно сдадут в набор, и я получу здесь корректуру. Огорчило меня тоже известие, что Франк не напишет для январского номера о Марксе и Канте (книгу Шульце-Геверница я Вам выслал), успокаивает сообщение, что статья Булгакова уже есть [30]. Есть ли статья по литературе, исполнили свое *самое определенное обещание* Брюсов [31]? Единственный Гензель всегда аккуратен! Вы теперь оцените, что значит работать с таким человеком!

Я уже упоминал в своей открытке, что я начал писать статью «Интеллигенция и правосознание». Пишу я всегда по внутреннему побуждению, и когда обдумывал и писал ее, то был очень возбужден. Теперь я однако вижу, что я составил более или менее шаблонный план, благодаря чему статья кажется мне вполне выполнимой. Но я еще

больше проникся убеждением в том, что безусловно необходимо сказать то, что я хочу сказать. Стенографические отчеты заседаний Государственной Думы я напрасно сюда тащил — нет времени ими заниматься. Впрочем, и по первоначальному плану, и теперь букет взглядов, высказанных в Думе и образующих правосознание различных общественных элементов, должен был составить заключительный аккорд к статье [32]. От него я могу и отказаться, если у меня не будет времени.

Недавно я близко познакомился с общешвейцарским гражданским кодексом, изданным в прошлом году [33]. Какая это прелесть! Первая статья его гласит: «Das Gesetz triebet (?) auf alien Rechtsfragen Anwendung, fur die es nach Wortland oder Auslegung eine Bestimmung enthalt. Kann dem Gesetze keine Vorschrift entnommen werden, so soil der Richter nach Gewohnheitsrecht und, wo auch ein solches fehls, nach der Regel entscheiden, die er als Gesetzgeber aufstellen wurde. Er folgt dabei bewahrten Lehre und Ueberlieferung» [34].

Как высоко должно стоять правосознание того народа, который, не боясь злоупотреблений, может сказать своему судье: если ты не находишь правовой нормы, то действуй так, как если бы ты был законодателем! Соответственно этой первой статье и все остальное содержание кодекса превосходно. Очень хорошо, например, регулировано семейное право. Введен целый ряд справедливых постановлений относительно незаконнорожденных. Так например, в случае признания отцом незаконнорожд(енного) своим ребенком, а иногда (когда был обман, насилие или эксплуатация начальнического положения) незаконнорожденный приравнивается к законнорожденному и получает все права, фамилию отца, звание [1 сл. нрзб] и законную часть наследства.

Впрочем, для Вас и за всем этим стоит, пожалуй, городской. Удивительно, как здесь противоположности сходятся! С точки зрения принудительной власти городского на право смотрят у нас такие узкие люди, как Хвостов и Шершеневич. Я с ними мало на этой почве сталкивался, но помню как-то возвращался с Вормсом из гостей, и он мне характеризовал взгляды вышеназванных именно так, что для них нет права там, где нет городского, и возмущался этой точкой зрения.

Для меня право то, что находит всеобщее признание, и чему все готовы подчиняться. Конечно, что такое «всеобщее», что такое «признание», кто такие «все»? — здесь много проблем. Я уже раз попытался отчасти ответить на эти вопросы, дав самостоятельное объяснение *volonte generate* [35] Руссо и это встретило сочувствие, по крайней мере это место постоянно цитируется (последний из авторов, цитирующих это место — Яценко). Но все это очень сложно и не в письме разобраться с этим!

Постараюсь найти спичечницу, употреблю все усилия, но не ручаюсь. Вы не можете себе представить, как трудно здесь найти что-нибудь специальное, не зная где оно находится. Удивительно быстро растет Берлин! Лучше было бы, если бы Вы сообщили хотя бы приблизительно место или магазин.

Шлю самый сердечный привет Марии Борисовне. Крепко жму Вам руку. Ваш Б. Кистяковский.

Москва.

18-го февр. 1909 г.

Дорогой Михаил Осипович! Статья моя вышла даже хуже, чем я предполагал. Вчера я в этом убедился, и это расстроило меня на целый вечер; из-за этого я даже не мог долго заснуть и потом плохо спал. Но все-таки я твердо убедился в том, что то, о чем говорится в моей статье, должно быть сказано. Конечно, это надо было бы сказать хорошо: красиво, ярко, увлекательно, с подъемом. Но что делать, если мне не дано так писать. Есть знание и провидение, но нет умения, не достает «Konnen» [36].

Начала у моей статьи, как я Вам уже говорил, нет еще. Я совершенно серьезно прошу

Вас написать его, если это у Вас легко выйдет, и Вы сможете «подделаться» под мой стиль. Ведь мою статью нельзя начать ни словом «Да», ни словом «Нет». Как я завидую тем, кто умеет писать в хорошем разговорном стиле! Вы увидите, что конец моей статьи предполагает то начало, о котором мы с Вами говорили. Если начало статьи все-таки придется писать мне, то я его смогу написать, вероятно, только по получении корректуры.

Получены ли статьи Франка и Струве? [37]

Крепко жму Вам руку. Привет Марии Борисовне от нас обоих. Ваш Б. Кистяковский

18 [38]

Голубчик Михаил Осипович! Прочитайте и скажите, хорошо ли это, как предисловие. Через час я заеду справиться. Можете черкать, сколько хотите, у меня есть копия.

Ваш Б. Кистяковский

19 [39]

22 II 09

Дорогой Михаил Осипович! Мне уже несколько дней нездоровится и со вчерашнего дня я решил не выходить из дому. Поэтому я не могу навестить и Вас. Пока сообщаю Вам, что только что я говорил по телефону с Алексеевым [40] относительно моих пробных лекций [41], и мы решили, что они будут назначены на пятницу 6-го марта. Поэтому до 6-го марта я не смогу решительно ничего сделать для своей статьи. Обдумав все обстоятельства, я решил что моей статьи совсем не пускать в сборник, т(ак) к(ак) она может только задержать выход его, а ничего к нему не прибавит [42].

Поклон Марии Борисовне и Вам от нас обоих. Крепко жму Вам руку. Ваш Б. Кистяковский

20

10.111.09

Дорогой Михаил Осипович! Простите, что я Вас огорчаю, но из всех заглавий — «К русской молодежи» — мне менее всего нравится. Я согласен — «К русскому обществу» [43].

Декан А. С. Алексеев заболел и мои пробные лекции отложены на среду. Нахожусь в состоянии полного изнеможения.

Крепко жму Вам руку. Ваш Б. Кистяковский

21

Москва.

10-го апр. 1909 г.

Дорогой Михаил Осипович! Мне очень досадно, что Вы так неправильно поняли мотивы моего разговора с С. В. Лурье [44]. Прежде всего я считаю, что этим разговором я не мог нарушить существующую между нами солидарность, так как пределы ее очень узки. К сожалению, мы очень мало обсуждали содержание, план и направление нашего сборника в целом; если бы мы все вместе больше и чаще это делали, то между нами могла бы выработаться большая степень солидарности [45]; тогда против статьи Франка не возражали бы, что он не имеет права говорить «мы». Затем я вовсе не предполагал, что мы можем от чего-нибудь отказаться. С. В. Лурье сказал мне: «Мы будем возражать по существу; критиковать интеллигенцию нужно, но не так». Я на это ему ответил: «В таком случае не могли бы мы столкнуться». Мне рисовалось прежде всего совместное

обсуждение «Вех». С членами «Исторической комиссии» оно совершенно бесполезно [46], но с членами редакции «Русской Мысли» оно могло бы быть в интересах общего дела. Конечно, с Кизеветтером и Котляревским в отдельности мы не смогли бы столкнуться, но, ведя переговоры сообща, особенно если бы в них участвовал Струве и Франк, мы могли бы устранить много недоразумений личных и «по существу» [47].

Менее всего мною руководил испуг. Я считаю, что чем больше нас ругают, тем это полезнее для личной карьеры каждого из нас. На книжном рынке и в общественном мнении теперь выше всего расценивается известность, а для приобретения известности у нас достаточно заставить говорить о себе. Но создаваемая таким путем личная карьера меня совершенно не интересует. Я считаю, что можно быть одинаково развращенным как постоянными и непомерными похвалами, так и непрекращающейся ругней. О Бердяеве я прямо сказал Булгакову, что, по моему мнению, он развращен тем, что все всегда его только ругали [48]. Я не встречал ни одного сочувственного отзыва о Бердяеве, но зато знаю очень меткую и в общем справедливую критику его писательской деятельности (Шестов). Тем не менее он очень известен, и он превосходно знает, чему он обязан своей известностью. Шершеневич [49], благодаря этой известности, отдает предпочтение Бердяеву перед Франком.

Я не хочу такой известности, но и не испугаюсь ею. Крепко жму Вам руку. Ваш Б. Кистяковский.

22

Хатки.

1-го июня 1909 г.

Дорогой Михаил Осипович! Очень мне интересно, как Вы устроились с «Вехами». Из «Русских Ведомостей» узнал, что они вышли в четверг [50]. Перед отъездом забыл распорядиться, чтобы мой экземпляр был выслан сюда, а не в Берлин; здесь он нужнее. Перечитал кое-что из критики «Вех», так как захватил сборник «В защиту интеллигенции» [51]. Удивительно бессодержательно! Прочитал Вашу статью о Гоголе [52], очень поучительно, много нового. Но это имеет отношение к Гоголю только последнего времени. Никогда не наслаждался так деревней, как в этот раз. Сегодня уезжаю в Берлин. М. В. кланяется всем вам. Передайте мои поклоны Марии Борисовне и Елизавете Николаевне.

Ваш Б. Кистяковский.

23

Берлин.

8/21 июня 1909 г.

Шлем сердечные приветы Вам, Марии Борисовне и Елизавете Николаевне.

Б. Кистяковский, Д. Петрушевский, Ст. Эренкрейц

24

14/27.VI.09

Berlin N. W.

Marienstr. 29, III rechts b/Gasscr.

Дорогой Михаил Осипович! Ваше сообщение об успехе второго издания «Вех» поразило меня своей неожиданностью [53]. Я знал, что второго издания ждут, но не думал, что оно будет так быстро распродано. От души радуюсь этому внешнему успеху, так как он показывает, что книга окажет влияние на наше общество. А все-таки наша книга хорошая и полезная; я в этом убедился, перечитав здесь снова кое-что. Как

бессодержательна в сравнении с идейным содержанием нашей книги критика ее! Нам оказали большую услугу, собрав часть критических статей о «Вехах» в одной книге. Это было самое лучшее средство скомпрометировать эту критику.

Конечно, я даю свое согласие на третье издание «Вех». Мне кажется, что надо печатать 4000 экз. и на обложке обязательно написать 7-ая— 10-ая тысячи*. Мы должны дать хоть математический отчет обществу о том, как расходятся «Вехи» [54]. Теперь ясно, что десять тысяч экз. этой книги разойдутся. Все хотят ее иметь, а нигде ее нет. Ведь «Вехи» можно не только читать, а и перечитывать. Я в этом убедился на самом себе. Конечно, теперь уже «Вехи» приходится выпускать без перемен. Но маленькие примечания вроде тех, какие сделаны во втором издании, я считал бы желательными. Было бы хорошо, если бы Франк и Булгаков прислали по примечанию. *На тот случай*, что будут примечания к 3-му изд., посылаю и свое примечание. Но если примечаний не будет, то в *единственном* числе я *не хочу* выступать с примечанием. Я теперь окончательно убедился, что моя статья одна из самых слабых в «Вехах»: я слишком много гоняюсь за фактами — внешними выражениями и чересчур мало смотрю в глубь интеллигентской души.

Здесь я поселился в обыкновенной берлинской меблированной комнате, но довольно удобной и на тихой улице. Обедаю в пансионе Engelbrecht, все-таки это лучше и дешевле, чем в ресторане. Работаю я по большей части в Королевской библиотеке, а из одной моей открытки Вы уже знаете, что Берлин в этот раз сделал мне подарок новым зданием библиотеки. В данный момент я еще работаю над своим курсом, так как я вообще им не удовлетворен и если не освежу своих знаний новыми фактами и мыслями, то я не смогу его читать, а затем мне все-таки хочется издать его в печатном виде. Мне все как-то кажется, что диссертация нужна только мне одному, а хороший курс Конституционного права настоятельно необходим всей русской молодежи.

Постараюсь сняться, но не могу обещать. Я не люблю сниматься потому, что не умею. Приятели немцы обыкновенно обвиняли меня, что я делаю Photographie-Gcsicht [55]; все дело в том, что когда на мне сосредоточено внимание, я теряю естественное выражение лица.

Очень хотелось бы к Вам заехать, повидать всех вас и ваши места. Но этому помешают некоторые семейные обстоятельства, о которых сообщу Вам когда-нибудь после. Ваше книжное поручение исполню.

Передайте самые сердечные приветы от меня Марии Борисовне и Елизавете Николаевне. Поклон Егору. Крепко жму Вашу руку. Душою Ваш Б. Кистяковский

Примечание к 154 стран. 4 и 5-ая строка снизу [56].

Текст: — Нельзя винить лишь политические условия в том, что у нас плохой суд; виноваты в этом и мы сами... (*Примеч. к 3-му изд.* Русская интеллигенция должна признать свою нравственную ответственность и вину за тот правопорядок, который господствует у нас. Ведь все приведенные факты убеждают, что даже в мировоззрении решительных отрицателей этого правопорядка большинство его черт сказывается со всею силою. И теперь прежде, чем реформировать внешние условия для осуществления истинного правопорядка, интеллигенция должна изменить свое отношение к вопросам права, подвергнув коренному пересмотру все свое мировоззрение с точки зрения высших внутренних, а не внешних идеалов.)

Берлин.

17/30.VI.09

Дорогой Михаил Осипович! Я не согласен с Вами, что «Вехи» пошли тише. В последние 10 дней в среднем продавалось 26 экз., следовательно, к 1-му июля не будет на

* Напечатать заглавие на корешке.

складе ни одного экземпляра. При таких условиях мы не имеем права откладывать выпуск нового издания до сентября. Везде в России хотят прочесть «Вехи» и жалуются, что их нигде достать. Наша обязанность доставить всем желающим возможность купить и прочесть книгу. Если мы не умеем снабдить книжный рынок ею, то продадим издание. Еще лучше, если мы откажемся от авторских прав. Я боюсь только, что тогда Сытин выпустит 10000 экз. по 30 к.: все будут иметь книгу, но никто не будет ее читать [57]. Крепко жму Вам руку. Ваш Б. Кистяковский.

P. S. На днях послал Вам обстоятельное письмо. Б. К.

26

Берлин.

18 июня 1909/1 июля

Дорогой Михаил Осипович! Написал Вам вчера и не могу не написать и сегодня. Меня очень волнует то, что действие «Вех» сильно ослабляется вследствие их недоступности. Проехав через часть России, я везде слышал о желании прочесть «Вехи» и сожаление, что их трудно достать. Об этом я слышу и от приезжих сюда и об этом мне пишут. Что «Вехи» трудно достать, это вполне понятно потому, что почти весь май их не было в продаже. Теперь если в первые три дня продано 2200 экз., а в следующие 10 дней, до 9 июня продавалось в среднем по 26 экз., то не подлежит сомнению, что остающиеся 540 экз. должны быть проданы не позже, чем через 20 дней, т. е. к 1-му июля (вероятно, даже раньше). Мы сделали ошибку, что не рискнули в мае 200 руб. и не напечатали 5000 экз. Теперь у нас не было бы ни возни, ни беспокойства, а было бы лишних 1500 рубл. По моему мнению, надо немедленно же отдать распоряжение печатать «Вехи», притом не менее 4000 экз., а лучше 5000 экз. Третий подписавшийся на открытке Эренкрейц [58], ученик Дм. М. Поклон Марии Борисовне и Елизавете Николаевне. Крепко жму Вам руку. Ваш Б. Кистяковский

27

10/23X1 09

Berlin N. W. Marienstr. 29, III, r. b/Gasser.

Как поживаете, дорогой Михаил Осипович! Много ли работаете? Я пока очень доволен своим существованием здесь, в новом здании библиотеки гораздо удобнее работать, чем в старом. По приезде сюда достал на почте экземпляр второго издания «Вех». Но теперь я отрезан от московских интересов. Передайте поклон Марии Борисовне и Елизавете Николаевне. От Дм. М., вероятно, Вы уже получили открытку из Дрездена. Крепко жму Вам руку. Ваш Б. Кистяковский

28

Берлин.

27.XI.09/10.XII.09

Дорогой Михаил Осипович! Приветствую Ваше решение печатать 4000 экз. 3-го изд.; они во всяком случае разойдутся. А в газетах, по-видимому, от времени до времени появляются известия о «Вехах». В «Новом Времени» от 25 июня есть продолжение полемики с «Современным Словом», из которой видно, что Ваша ссылка на Чехова произвела впечатление [59]. Из «Слова» узнал, что А. Белый напечатал статью о «Вехах» в «Весах» [60]. От конторы «Критического Обозрения» никак не могу добиться адреса Бурцева [61], чтобы выписать сюда «Былое». Нет ли у Вас? Большое спасибо за «Речь»; без Вас бы пропустил [62]. Поклон Марии Борисовне и Елизавете Николаевне. Крепко

жму руку. Ваш Б. Кистяковский.

29

Берлин.

6/19.XII.09

Дорогой Михаил Осипович! Выражаю свое полное согласие на то, чтобы в 3-ем изд. «Вех» была напечатана Библиография «Вех» [63]. Будет очень жаль, если из-за невозможности получить вовремя ответ от всех участников библиографии не будет. Из-за этого можно было бы отложить выпуск на неделю. За судьбу третьего издания я не беспокоюсь и уверен, что четыре тысячи экземпляров разойдутся. Я верю, что «Вехи» полезны и нужны для русского общества. Когда мне говорят, что успех «Вех» — успех скандала, я возражаю, что весь скандал тут только в том, что в обществе людей, одетых во фраки, появился человек в косоворотке... О себе ничего нового не могу сообщить; живу по-прежнему, работаю по-прежнему и по-прежнему доволен своим существованием. Поклон Марии Борисовне. Крепко Вас обнимаю.

Душевно Вам преданный Б. Кистяковский.

30

17.XII/1.XIII.09

Дорогой Михаил Осипович! Я не писал Вам потому, что ожидал известий от Вас. Не имея сведений о выходе 3-го изд., думал, что Вы, может быть, решили припечатать библиографию, но потом вспомнил, что Куши(ерев) всегда задерживает. Я Вас об этом не предупреждал потому, что боялся, как бы это еще больше не задержало выхода и надеялся, что летом К(ушнерев) будет аккуратен. Один из здесь находящихся приват-доцентов, выезжая из Москвы 4-го, обошел все магазины и не нашел «Вех»; ему сказали, что выйдут 8-го июля [64]. Воротнички я, увы, купил; постараюсь переменить. Получил очень тревожные известия из дому [65], ускоряю свой отъезд, выеду в среду, захватить не могу. Дм. М. проезжал здесь (домой) в среду 15-го июля. Говорил, что не удастся к Вам захватить. Кланяйтесь Марии Борисовне. Елизавете Николаевне я еще напишу перед отъездом. Дружески обнимаю и целую. Ваш Б. Кистяковский.

31

Хатки.

Б. Сорочинцы, Полтавск. г. Миргородск. <у>

1-го августа 1909 г.

Дорогой Михаил Осипович! Сегодня получил Ваше письмо от 27-го июля и немедленно Вам отвечаю. Книгопродавческий успех «Вех» меня не удивляет, так как на него пока можно рассчитывать; я только жалею, что мы напечатали только четыре, а не пять тысяч экземпляров, и что Вам не удалось допечатать лишние две тысячи экземпляров. Конечно, я даю свое согласие на выпуск четвертого издания; пускай будут три тысячи экземпляров, но надо на всякий случай заказать матрицу. Она самое большее будет стоить 300 рублей, а тогда мы будем иметь возможность без всякой возни и лишних затрат допечатать столько экземпляров, сколько потребуется. Досадно, что вследствие того, что придется ожидать согласия на новое издание всех участников, опять, вероятно, произойдет месячный перерыв между распродажей 3-го изд. и выходом 4-го изд. [66].

Теперь, когда на рынок выпущено 10000 экз. книжки, нет основания отказываться от выпуска следующих тысяч экз. И без того многие из наших покупателей, потерпев неудачу при неоднократных тщетных попытках купить «Вехи», отказались от дальнейших усилий в этом направлении и постарались достать книгу для прочтения. Теперь по рукам уже бродят замазанные, засаленные, потрепанные экземпляры «Вех». Если мы теперь приостановим дальнейший выпуск нашей книги, то мы обидим главным образом глухую провинцию. Зачем создавать искусственные препятствия для прочтения книги? Наступит момент, когда рынок будет заполнен, и тогда мы можем остаться с несколькими сотнями или даже тысячами книг на руках, на которые не будет больше спроса. Но что за беда!

Вл. Г. Короленко удивился, когда узнал, что издания «Вех» были такие маленькие; он предполагал, что выпущено больше экземпляров. По его мнению, книжный рынок имеет свои законы, он привел пример из истории брошюровочной литературы: «Русское Богатство» выпустило восемь изданий пешехоновской брошюры «Земли, света и свободы» по 10000 экз.; напечатали 10000 экз. девятого изд., продали 2000 и затем ни одного экз. Относительно самих «Вех» Короленко выразился, что «попали в точку, по вопрос в том, как». Более подробно поговорить с ним на эти темы еще не удалось. Между прочим, он мне сообщил, что он получил письмо от Гредескула, в котором тот приглашает его принять участие в сборнике об интеллигенции. Сборник «не полемический», по они «не будут избегать и полемики». Предполагается двенадцать авторов. Из имен Короленко вспомнил кроме Гредескула М. Ковалевского, К. Арсеньева, П. Милюкова, Дм. Шаховского; кроме того, предполагалось пригласить В. Ключевского, но Короленко не советовал [67]. Короленко не предвещает большого успеха новому сборнику, так как «приходится твердить азы», а «публике надоело, что ей все толкуют $2 \times 2 = 4$, гораздо интереснее, когда кто-нибудь начнет доказывать $2 \times 2 = 5$ ». Сам Короленко говорит, что навряд ли будет иметь время, чтобы написать что-нибудь для этого сборника. Но мне кажется, что он не захочет выступить в сомнительном (с точки зрения Мякотина [68] и Пешехонова [69]) обществе; он строго соблюдает внешнюю солидарность, хотя внутренней солидарности, по моему мнению, уже давно не существует.

Я согласен на то, чтобы Франк написал свое очередное обозрение «Современной общественной жизни» о критике «Вех». Но это не должна быть полемика или защита «Вех», а характеристика различных общественных настроений, поскольку они выразились в этой критике. Так как «Вехи» одно из самых крупных событий последнего времени, то такая статья для нас очень желательна и даже необходима [70]. Но из-за нее мне, вероятно, придется выдержать столкновение с И. Д. Виноградовым. Это столкновение однако не повредит «Критическому Обозрению», так как я к первому января оставлю редакторство [71], и мой первый разговор в этом полугодии с редакторами будет о моем преемнике, а статья Франка о критиках «Вех» будет очень полезна для «Критического Обозрения». Гензелю я теперь же напишу, что согласился на такое обозрение в «Современной общественной жизни» и объясню мотивы, чем и привлеку его на мою сторону. Итак, напишите Франку, чтобы он доставил такую статью, согласен и на печатный лист. Вообще я уже начинаю беспокоиться за сентябрьский выпуск «Критического Обозрения». Напишите Вы что-нибудь, хотя бы о том же Джемсе по поводу брошюры Васильева о прагматизме [72].

Счастливым Вы человек, что можете написать за лето книгу [73]! Я очень доволен своим пребыванием в Берлине; для моих нервов оно было лучше всякого санаторного лечения. По положительные результаты его в смысле количества сработанного не так велики, хотя все-таки я ими доволен.

Здесь я в очень тревожном настроении за здоровье М. В. Она решительно отказалась переезжать в Киев, а здесь медицинская помощь сомнительного достоинства. Впрочем, те тревожные показатели, которые появились в начале июля, после лечения исчезли, нас вполне успокаивают, но, напр(имер), отек ног и рук не прошел. Может быть, все пройдет благополучно, но я не могу не тревожиться.

Сегодня послал обстоятельное письмо Елизавете Николаевне вместо того, которое не успел дописать в Берлине.

Передайте поклон Марии Борисовне от М. В. и меня. Крепко обнимаю Вас. Б. Кистяковский.

Р. С. Дм. Моис. я видел 15-го июля в Берлине. Он, напротив, казался очень ободренным своим пребыванием за границей. К сожалению, в это наше свидание не было ни одной минуты, когда бы мы оставались вдвоем.

Р. Р. С. Конечно, я охотно принял бы на себя хлопоты по четвертому изданию «Вех». Но принимая во внимание состояние здоровья М. В. хорошо если мне удастся попасть в Москву к 22-му августа; это необходимо для «Критического Обозрения». Пока не могу точно определить, когда буду в Москве, может быть, даже только к 25-го авг. Б. К.

32

Хатки.

4-го авг. 1909 г.

Дорогой Михаил Осипович! Вот все, что я мог сделать для выполнения одной из Ваших просьб в последний день своего пребывания в Берлине [74] (gleich mitzunehmen [75] — при электрическом освещении). Воротнички удалось переменить, но с Pulpi'ом полная неудача — keine Effekten [76]; ввиду экзотичности говорят, что даже и трудно было ожидать их разве за Liebhabcrpreis niedermussen (?) 20 Mark [77].

1-го августа в день получения Вашего письма я Вам ответил обстоятельным письмом (2 листика), в тот же день немного раньше я послал письмо Елизавете Николаевне, надеюсь, оба письма дошли. Я думаю, что «Вехи» надо печатать, не ожидая согласия участников; раз выпущено на рынок 10000 экз., то почему прекращать выпуск? Печатать надо 5000 экз. или 3000 и матрицу. Я Вам объяснял, почему я не могу раньше приехать и взять на себя хлопоты по изданию, но все эти распоряжения я могу взять на свою ответственность. Очень прошу разрешить сделать литературную ссылку без оговорки насчет издания к стр. 137, к последней фразе абзаца: «С другой стороны, осуществление социалистического строя...» (См. Б. Кистяковский. Государство правовое и социалистическое. Вопросы философ, и психол., кн. 85, 1906 г., ноябрь-декабрь [78].)

Ваш Б. Кистяковский.

33

Хатки.

8-го авг. 1909 г.

Многоуважаемая Мария Борисовна! Я пугал Михаила Осиповича своими тревожными настроениями, а все окончилось благополучно. Сегодня в 5 часов утра у нас родился сын [79]. Самочувствие М. В. удовлетворительное и температура нормальная, мальчик очень славненький и здоровый; все должно протекать нормально. Михаилу Осиповичу я написал отсюда письмо и открытку. Надеюсь, Вы довольны пребыванием на балтийском побережье, и оно оказалось полезным для детей; ведь дождливое лето Вам не навредило. Насколько здесь климат лучше,— за весь июль ни одного дождя! Поклон Михаилу Осиповичу. Мария Вильямовна просит передать привет Вам обоим.

Искренне преданный Вам Б. Кистяковский

34

д. Хатки Б. Сорочинцы, Полт. губ. Миргородск. у.

11 авг. 1909 г.

Дорогой Михаил Осипович! Пожалуйста, известите тех из Ваших сотрудников, рецензии которых Вы предполагаете поместить в сентябрьском выпуске «Критического Обозрения», чтобы они прислали свои рукописи к 25-му августа. Мы должны назначить этот срок для того, чтобы выполнить наше обещание подписчикам выпустить сентябрьск(ий) номер к 15-му сентября. Было бы хорошо, если бы Вы что-нибудь написали для этого выпуска. Напишите о Джемсе по поводу брошюры Михайлова о прагматизме.

Мы получили вчера ужасное известие — младший сын Булгаковых Ивасик умер в Крыму от дизентерии около 25 июля [80].

От Дмитрия Моисеевича получил обстоятельную открытку; он по-видимому в жизнерадостном настроении.

Как дела «Вех»? Не имею никаких известий после Вашего письма от 27-го июля.

У нас все благополучно; температура у М. В. нормальная, кормление наладилось на второй день и ребенок здоров. Самочувствие М. В. не всегда одинаковое; известие о Булгаковых сильно ее расстроило, а лежание иногда тяготит.

Поклон всем. Крепко Вас обнимаю. Ваш Б. Кистяковский.

35

14-го октября 1909 г.

Дорогой Михаил Осипович! Окажите мне услугу, прочитайте сегодня же прилагаемую рецензию и выскажите откровенно свое мнение, стоит ли ее помещать в «Критическом обозрении». Вы увидите, что это лишь резюме содержания книги Н. [81] и, пожалуй, удивитесь, зачем я брался за него, а не поручил его кому-нибудь другому. Но всякий другой рецензент извлек бы из этой книги нечто другое. Поэтому я и не уверен, представляет ли интерес для постороннего читателя то, что я извлек. Для меня это кажется важным, книги по этим вопросам очень редки, почему я и взялся написать о ней. Но, может быть, я субъективен.

Крепко жму Вам руку. Б. Кистяковский.

ПРИМЕЧАНИЯ

Письма Б. Л. Кистяковского к М. О. Гершензону публикуются по рукописям, хранящимся в ОР РГБ, ф. 746, к. 34, ед. хр. 43.

1. Обзор В. М. Устинова «Избирательное право» опубликован в КО, 1907, вып. III. Устинов Виктор Михайлович — приват-доцент Харьковского университета, с 1907 г. — приват-доцент Московского университета, доктор государственного права. Автор трудов «Идея национального государства» (Харьков, 1906), «Учение о народном представительстве» (т. 1—3, М., 1912—1917), «Утопии (Социальный рай на земле)» (М., 1917; в соавт. с В. Ф. Тотомианцем).

2. Обзор Н.Н. Полянского «Вопрос о личной неприкосновенности в русской литературе» опубликован в КО, 1907, вып. III.

3. Гольдштейн Иосиф Маркович — в 1903 г. доцент факультета Государственных наук Цюрихского университета, затем приват-доцент Петербургского и Московского университетов, как и Кистяковский читал лекции в Московском Коммерческом институте. Гольдштейн сначала заведовал экономическим отделом в КО; видимо, Гершензону удалось его «элиминировать»: с III выпуска 1907 г. руководство экономическим отделом перешло к П. П. Гензелю.

4. Вормс Альфонс Эрнестович (1868?) — проф. Московского университета, юрист, автор трудов по крестьянскому праву.

5. В. Г. Короленко был в это время в Полтаве, где занимался разбирательством убийства крестьян, совершенного карательной экспедицией Филонова (так называемая «Сорочинская трагедия»).

6. В. А. Герд — брат П. А. Струве (жены П. Б. Струве), педагог, один из организаторов Тснишевского училища, с 1904 по 1914 г. работал в гимназии В. Я. Стоюнина. По воспоминаниям М. И. Стоюниной, «это был тип удивительного работника на педагогическом поприще, заслуживающий глубокой благодарности за все, что он сделал для гимназии (...). В 1914 г. В. А. ушел (...) в школу при Путиловском заводе, куда его тянуло, чтобы служить народу и отдать все силы делу народного образования» (Минувшее. Исторический альманах. 7. М.: Феникс. 1992, с. 404).

7. Иначе (лат.)

8. Речь идет о рецензии историка С. А. Шумакова (1865—1918) на книгу К. Кульчицкого (Мазовецкого) «Автономия и федерация в современных конституционных государствах». М., 1907 (КО, 1907, III, с. 69—73).

9. Самый горячий привет из Берлина Вам и Вашей супруге от Вашего Кистяковского (нем.).

10. В конце 1907 г. вышли в свет книги Гершензона «История молодой России» и «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление». Па титуле обеих книг — 1908 г.

11. Речь идет о книге М. П. Драгоманова «Политические сочинения» (М., 1908), которую готовил к печати Кистяковский.

12. Г. Г. Шпет с 1907 г. читал лекции на Высших женских и Педагогических курсах. «Именно в это время, — замечает его биограф, — создается образ Г. Г. Шпета — блистательного лектора и собеседника, злого и безжалостного критика, покорителя сердец, неутомимого и азартного игрока в бридж, веселого собутыльника. Чудака и оригинала, изобретателя собственного способа заварки кофе и собственной орфографии. Он не признавал двойных согласных в иностранных словах... Истребил двойное «тт» в своем имени... О Шпете начинают ходить легенды и анекдоты... Многие его не любят» (Поливанов М. К. Очерк биографии Г. Г. Шпета//Лица. Биографический альманах. 1. М. СПб.: Феникс: Atheneum, 1992, с. 18).

13. Виппер Роберт Юрьевич (1854—1941) — историк-античник и медиевист, проф. Московского университета, с 1943 г. академик АН СССР.

14. С VI вып. 1908 г. Кистяковский стал официально числиться редактором КО.

15. Имеется в виду рецензия С. Л. Франка на книгу Иванова-Разумника «О смысле жизни» (Ф. Сологуб, Л. Андреев, Л. Шестов) (СПб., 1908), опубликованная в КО, 1908, вып. VII (XII), с. 37—38.

16. Шпрингер Рудольф — псевдоним Карла Ропера (1870—1950); речь идет о его книге «Национальная проблема (Борьба национальностей в Австрии)» (СПб., 1909).

17. Мижув Павел Григорьевич (1861?) — известный в свое время писатель и публицист. Автор многих книг по проблемам школьного образования в странах Европы и в Америке, учебников и словарей французского и английского языков. Среди написанных им книг есть даже «Социологические этюды» (1904). «Счастливая Австралия» вышла в С.-Петербурге в 1909 г. В КО (1909, вып. III, с. 69—73) ее рецензировал М. Бернацкий.

18. Судя по содержанию этого и следующих двух писем, речь идет о том, чтобы Гершензон, оставив сотрудничество в «Вестнике Европы», всецело сосредоточился на работе в КО. Возможно, с расчетом на согласие Гершензона Кистяковский как редактор ввел в журнале новую рубрику: «Современная общественная жизнь». Однако Гершензон отклонил предложение.

19. С середины октября 1908 г. Гершензон приступил к реализации своего замысла — будущего сборника «Вехи». Возможно, просьба Кистяковского захватить письма Франка и Котляревского связана именно с этим.

20. Аскольдов Сергей Александрович (наст. фамилия Алексеев, 1871—1945) — философ, сотрудник КО, сын А. А. Козлова. «Кистяковского, — писал он в 1932 г., — я

как-то раз видел у нас в Философском обществе. Он на меня произвел неприятное впечатление, ибо принадлежал к типу «Шугаевых» и «Поспеловых» (нарицательные имена философов-неокантианцев. — В. С), которых некогда верно изобразил отец и к которым я от него унаследовал непреодолимую неприязнь. Да и литературно мы обменялись нелестными замечаниями друг о друге, хотя, кажется, не зная того, я отозвался уже о покойнике. А как человек он, быть может, был хороший. Но как и все Кистьяковские, делал ученую карьеру... Мы даже с ним в одном сборнике участвовали, в «Проблемах идеализма», хотя он был неокантианец (для меня всегда направление враждебное...).» (Минувшее. Исторический альманах. 11, с. 316).

21. Франк написал аналитический обзор «Социализм и кантианство» на основе книги К. Форлендера «Кант и Маркс. Очерки этического социализма». (СПб., 1909) и присланной ему Кистьяковским брошюры Шульца-Геверница «Маркс или Кант?» Обзор напечатан в рубрике «Современная общественная жизнь» (КО, 1909, вып. II, с. 80—86).

Вероятно, именно за предложение написать этот обзор Франк благодарил редакцию КО в своем письме к Гершнзону от 8 декабря 1908 г. (Минувшее. Исторический альманах, 11, с. 254).

22. Будущая «веховская» статья «В защиту права».

23. Обзор Н. Н. Авинова «Государственно-правовое положение Финляндии», составленный на основании 30 книг, опубликован в КО, 1909, II, с. 5—13. Повышенный интерес Кистьяковского к этому обзору объясняется скорее всего тем, что правовое положение Финляндии в рамках Российской империи казалось ему наиболее приемлемой формой национальной автономии, весьма желательной и для Украины. В КО (1909, IV, с. 70—76) он опубликовал свою рецензию на книгу: *Р. Эриха* «Государственно-правовое положение Финляндии в освещении иностранных юристов». Пер. со шведского. СПб.: изд-е автора, 1908.

24. Тарановский Федор Васильевич (1875-?) — юрист, специалист по общей теории права.

25. Обзор «История верховной власти в России» (КО, 1909, IV, с. 5—18) написал Б. И. Сыромятников.

26. Рецензия М. П. Чубинского на книгу Н. Н. Полянского «Коалиции рабочих и предпринимателей с точки зрения уголовного права» опубликована лишь в октябрьском выпуске КО за 1909 г.

27. См.: *Санов В. В.* Сергей Гессен — русский философ // Вестник РАН. 1993, № 6 с. 523—526.

28. Муромцев Сергей Андреевич (1850—1910) — юрист, проф. римского права, в 1884 г. лишенный кафедры за политическую неблагонадежность, в 1879—1892 гг. редактор журнала «Юридический вестник», в 1908—1910 гг. лектор университета Шаняевского.

29. Перечислены следующие рецензии: Новгородцев П. И.: Н. И. Палиенко. «Учение о существе права и правовой обязанности государства». Харьков, 1908 (КО, 1909, III, с. 76—79); Шершеневич Г. Ф.: Вл. Топор-Рабчинский. «Макиавелли и эпоха Возрождения. Введение в изучение Макиавелли». 1908 (КО, 1909, I); Фатеев А. П.: М. А. Рейснер. «Теория Л. И. Петражицкого. Марксизм и социальная идеология». СПб., 1908. (КО, 1909, I, с. 66—71). Кокошкин и Нечаев обещанных рецензий не дали.

30. Имеется в виду обзорная статья «Философия кн. С. Н. Трубецкого и духовная борьба современности» (КО, 1909, I, с. 5—16), вошедшая впоследствии в книгу С. Н. Булгакова «Два града». Т. 2. М.: Путь, 1911.

31. Брюсов обещания не выполнил.

32. Стенографический отчет II сессии Государственной Думы Кистьяковский использует в VI разделе своей статьи «В защиту права». (Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991, с. 148).

33. Швейцарский гражданский кодекс был принят палатами народных представителей 10-го декабря 1907 г. На него Кистьяковский ссылается в VI разделе своей статьи «В

защиту права» (Вехи. Из глубины, с. 144).

34. Закон применяется в любом случае — либо буквально, либо в пределах допустимой интерпретации. Если случай не предусмотрен законом, судья должен руководствоваться нормами обычного права, а если и таковые не применимы, он должен действовать на основании нормы, установленной им самим, если бы он был законодателем. При этом он должен ориентироваться на обычаи и сложившиеся нормы права (*нем.*).

35. Общая воля (*франц.*). «Самостоятельное объяснение» Кистяковский впервые дал в своей немецкой диссертации: *Kistiakowski Th. Gesellschaft und Einzelwesen. Eine methodologische Skizze*. Berlin: Verlag von Otto Liebmann, 1899. S. 16—17. Впоследствии он повторил свое объяснение: «... Руссо безусловно отвергал суверенитет одного лица и доказывал, что суверенитет как верховная власть по самому своему существу должна принадлежать нации. Он утверждал, что суверенитет может заключаться только в общей воле народа» (*Кистяковский Б. Л. «Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права»*. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1916, с. 452).

36. Умение (*нем.*).

37. Ни Франк, ни Струве своих статей еще не прислали, хотя уже и работали над ними интенсивно (Минувшее. Исторический альманах, 11, с. 254—255).

38. Письмо не датировано, но вероятнее всего речь в нем идет о «предисловии» к статье Кистяковского «В защиту права», чем и объясняется его помещение здесь, а не после письма 15, как в папке архивного дела.

39. В папке архивного дела это письмо расположено после письма 35. Вероятно, архивариус римскую цифру II прочитал как арабское «11».

40. Алексеев Александр Семенович (1851—1916)—проф. государственного права Московского университета, декан юридического факультета.

41. В 1909 г. Кистяковский сдал экзамен на степень магистра государственного права и должен был прочитать пробные лекции в Московском университете.

42. Для «Вех» время было совершенно критическое: объявление о выходе сборника в свет появилось в печати 15 марта 1909 г. (см. Русские ведомости, 1909, № 61, с. 1).

43. До выхода в свет сборника «Вехи» остается 5 (пять!) дней, а название все еще не выбрано. Ср. письмо С. Л. Франка к М. О. Гершензону от 11 марта 1909 г. (Минувшее. Исторический альманах, 11, с. 256—257).

44. Лурье Семен Владимирович (1867—1927) —сотрудник журнала «Русская мысль». В майском номере журнала (1909) опубликовал статью «О сборнике «Вехи».

45. Участники сборника «Вехи» собирались дважды: в конце октября — начале ноября 1908 и 15 января 1909 г. (второй раз — без Кистяковского и Изгоева). Один из самых распространенных упреков в адрес «Вех» со стороны критиков состоял в том, что участники сборника не имеют общей позиции по ряду важнейших пунктов (в частности, по вопросу об историческом происхождении русской интеллигенции).

46. Кистяковский оказался совершенно прав. Через несколько дней после его письма в Москве состоялось заседание Исторической комиссии учебного отдела Общества по распространению технических знаний. Вот отчет об этом заседании, опубликованный в сборнике «В защиту интеллигенции»:

<<На заседании 14-го апреля состоялась оживленная беседа, посвященная сборнику «Вехи», в которой приняли участие С. П. Мельгунов, В. П. Потемкин, гр. П. М. Толстой, К. Н. Левин, А. А. Титов, В. И. Пичет, П. Г. Дауге, В. М. Турбин и др. За исключением последнего, пытавшегося до некоторой степени оправдать авторов книги, собрание с единодушием резко высказалось против проводимых в ней тенденций и идей. Заседание началось вступительным словом С. П. Мельгунова, который отметил огромную сенсацию, произведенную сборником. Он стал теперь «настойной книгой» в кавычках. Авторы ее — не только отрицатели заслуг русской интеллигенции, но и ее «порицатели». Взгляды их недаром встретили сочувствие и «Голоса Москвы», ибо они, действительно, сказали то,

что проповедует октябризм. Оратор не останавливается на частностях, предоставляя это сделать другим, и заключает свою речь упреком, что участники сборника проявили духовный маразм. Вместо того, чтобы поддержать русскую интеллигенцию в ее общественных стремлениях, они только осыпают ее упреками, хотя, быть может, и заслуженными. Однако появление сборника имеет и хорошую сторону — он заставит многих призадуматься и даст толчок для самокритики. По мнению *В. П. Потемкина*, обнаружение сборника есть «невероятная дерзость, есть игра в руку врагов».

Они судят интеллигенцию, но не дают точного определения этому понятию. Кто судимая ими интеллигенция? Кто дал им право осуждать ее? Пусть те обвинения, которые они так щедро сыпят на голову интеллигенции, падут на их собственные головы.

От сборника отдает «нестерпимым зловонием реакции». Главный недостаток — это нерешительность авторов. Они не сказали всего того, что хотели, — убоялись. Стоят на реакционно-романтической точке зрения, но хотят это скрыть. Все у них не оригинально, все заимствовано, все не доказано.

Напрасно они обвиняют интеллигенцию, которая еще не сказала своего последнего слова. Своим сборником они вынесли приговор не ей, а самим себе.

В своей речи *гр. П. М. Толстой* вскрыл некоторые частичные промахи в сборнике, особенно подробно останавливаясь на изложении Кистяковского. Выдернув отдельную фразу, Кистяковский доказывал, что Михайловский отрицательно относился к правому строю и вообще к государственному, хотя весь смысл статьи и ее заключительные строки свидетельствовали как раз об обратном.

Последующие ораторы с возмущением говорили о клевете на молодежь, рассыпанную в разных статьях сборника. Особенное осуждение в этом отношении вызвали статьи гг. Струве, Изгоева и Гершензона. Было отмечено их пристрастное отношение к интеллигенции, их стремление выставить в ней одни отрицательные качества; указывали на то, что и отрицательные стороны в жизни и деятельности интеллигенции подмечены во многом неверно, либо сильно преувеличены.

Один из говоривших на основании собственных пятилетних наблюдений над немецким студенчеством уверял, что оно ведет себя более распушено, чем русская молодежь, и в гораздо меньшей степени воодушевлено идеальными стремлениями. Другие указывали на то, что в критике интеллигенции совершенно нет исторической перспективы, что авторы совсем не считались с теми неблагоприятными условиями, в которых приходится жить русской интеллигенции и в частности учащейся молодежи, почему параллель с заграничной молодежью, живущей в нормальных политических условиях, совсем неубедительна. Проводимые в «Вехах» новые идеалы и задачи для русского общества — стремление к национализму, личному самоусовершенствованию, религиозным началам — не новы, их можно найти в старом славянофильстве, а то и на столбцах «Нового Времени», «Русского Знамени» и т. п. органов, которые, кстати, к проповеди «Вех» отнеслись очень сочувственно. Третьи указали на глубокие противоречия в понимании ближайших задач, в оценке интеллигенции, даже в самом понятии интеллигенции как между разными статьями сборника, так и зачастую в пределах одной и той же статьи. Под интеллигенцией понимается то все образованное общество, то учащаяся молодежь, то разночинцы и т. д.; одни упрекают интеллигенцию в безверии, другие говорят, что даже и в своем атеизме она религиозна; одни приписывают ей нравственную распушенность, другие ставят ее образцом нравственной чистоты и т. д.

Общее убеждение склонилось к тому, что русской интеллигенции не нужно менять своих исконных идеалов и отступаться от своих требований, — положение, на котором сошлись представители из разных лагерей.

По окончании беседы собрание вынесло следующую резолюцию:

«Признавая сборник «Вехи» продуктом романтически-реакционного настроения известной части русской интеллигенции, вызванного временным упадком общественных интересов, историческая комиссия констатирует наличие в упомянутой книге грубых

внутренних противоречий, шаткость основных точек зрения авторов и крайне несправедливое отношение к прошлым и настоящим заслугам лучших элементов русской общественности, самоотверженно и неустанно стремящихся к высоким социально-политическим идеалам».

Несмотря на то, что авторам «Вех» было послано специальное приглашение, никто из них на собеседование не явился.>>

Краткий отчет о заседании Исторической комиссии был помещен в газете «Русские ведомости» (1909, № 36). В нем также содержалось обвинение в адрес Кистяковского, в связи с чем он направил «Письмо в редакцию» газеты следующего содержания:

<<В № 86-м вашей уважаемой газеты в отчете о беседе, происходившей в исторической комиссии Общества распространения технических знаний по поводу сборника «Вехи», выдвинуто против меня тяжкое и несправедливое обвинение. В нем между прочим напечатаны следующие строка: «Кстати была отмечена допущенная Кистяковским передержка в цитате у Михайловского. *Выдернув отдельную фразу* (курсив мой.— Б. К.), Кистяковский доказывал, что Михайловский отрицательно относился к правовому строю и вообще к государственности, хотя весь смысл статьи и ее заключительные строки свидетельствовали как раз об обратном». Кто не примет вышеприведенные строки на веру, а потрудится развернуть сборник «Вехи» на страницах 105—107, тот убедится, как искажено в них напечатанное там. Я не выдернул из Михайловского фразу, а процитировал из него два отрывка, напечатанных на двух различных страницах; один из этих отрывков занимает 24 строчки и содержит шесть фраз, разделенных точками. В нем Михайловский чрезвычайно ярко и образно передает об общеизвестном историческом факте,— отрицательном отношении русского народничества семидесятых годов к политической свободе и конституционному строю. Рассказ ведется от первого лица множественного числа, и в нем везде употребляется местоимение «мы», так как Михайловский сам причислял себя к народникам и был им. Правда, статья, из которой я взял цитаты, написана в сентябре 1880 года, т. е. спустя более двух лет после возникновения партии «народной воли», деятельности которой М. сочувствовал, и в ней М. говорит о прошлом, что видно и из отрывков, цитируемых мною. Так как однако моя работа посвящена не развитию политических взглядов Михайловского, а русской интеллигенции и ее правосознанию, то я не считал себя обязанным специально упоминать о том, что в то время, когда М. писал свою статью, которую я цитировал, он уже изменил свои взгляды на правовые гарантии. По самый факт перемены в политических взглядах Михайловского я отмстил в словах: «В конце семидесятых годов события заставили народников и самого Михайловского выступить в борьбу за политическую свободу» (см. «Вехи», стр. 109).

Б. Кистяковский.

Москва, 16-го апреля 1909 г.>>

(Русские Ведомости, 1909, № 87: пятница, 17 апреля, с. 4).

47. Критика «Вех», прозвучавшая со страниц «Русской мысли» носила, конечно, более сдержанный, «академический» характер, но в целом была все же отрицательной. Статьи Л. Кизеветтера и С. Лурье под общим заглавием «О сборнике «Вехи» были опубликованы в майском выпуске журнала 1909 г. Хотя оба автора стремились дать оценку сборника «в целом», первый из них сосредоточился в основном на критике статей С. П. Булгакова и М. О. Гершензона, а второй — С. Л. Франка. О Франке Лурье выразился довольно резко: «Своим отношением к культуре Франк неожиданно становится на сторону Великого Инквизитора — бесспорного сторонника идеи «самодельной культуры» — «приговаривает «бледного узника» к изгнанию из пределов своего культурного царства» (Русская мысль, 1909, №. 5). Статью Кистяковского Лурье назвал «прекрасной»; она «прорезывает точно струя свежего воздуха, сгустившиеся па страницах *Vex* клубы ладана» (там же).

48. На страницах «Критического обозрения», с которым Бердяев довольно активно

сотрудничал, его «ругал» все тот же С. В. Лурье, который в рецензии на книгу П. Л. Бердяева «Повое религиозное сознание и общественность» (СПб., 1907) писал, между прочим, следующее: «Взгляды Бердяева на церковь, государство и вопросы практической политики страдают... сбивчивостью и неопределенностью, стремлением применить к явлениям критерии из других плоскостей, сочетать величины явно несоизмеримые. Нельзя не пожалеть о том, что даровитый писатель, увлеченный нетерпеливым стремлением к последнему синтезу, следует за другими там, где он прежде всего должен быть самим собою» (КО, 1908, КVI), с. 37).

49. Шершеневич Габриэль Феликсович (1863—1912) — юрист, проф. гражданского и торгового права Казанского, затем Московского университета, видный член партии кадетов, отец поэта Вадима Шершеневича.

50. 2-е издание «Вех» вышло в свет 27 мая 1909 г. (см.: Минувшее. Исторический альманах. 11, с. 285).

51. Сборник представляет из себя «дайджест» опубликованных в периодической печати статей. Среди его авторов К. Арсеньев, М. Бикерман, П. Боборыкин («автор» слова «интеллигенция»), Вл. Боцяновский, Н. Валентинов, Н. Геккнер, И. Игнатов, Н. Иорданский, Д. Левин, Ф. Мускатлит (редактор-составитель сборника), Гр. Петров.

52. Имеется в виду статья Гершензона «Завещание Гоголя» (Русская мысль. 1909, No. 5), посвященная анализу «Выбранных мест из переписки с друзьями».

53. Вероятно, М. О. Гершензон сообщил Кистяковскому то же, что писал брату: за три дня продажи 2-го издания «Вех» было продано 2200 экз. из 3 тысяч, (см.: Минувшее. Исторический альманах. 11, с. 285).

54. Это предложение Кистяковского было принято, начиная с 4-го изд. «Вех». Таким образом, общий тираж пяти изданий «Вех» составил 15 тыс. экз. (1-е и 2-е изд.— по 3 тыс., 3-е изд.— 4 тыс., 4-е изд.— 3 тыс., 5-е изд.— 2 тыс.).

55. Фото-лицо (*нем.*).

56. Кистяковский указывает стр. 2-го издания «Вех». Это предпоследний абзац его статьи. (Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991, с. 148). Примечание не было включено в книгу, так как третьи и последующие издания «Вех» ничем не отличались от второго.

57. «Вехи» (1-е и 2-е издания) печатались в типографии В. М. Саблина. Три следующих — в типографии Кушнерева и К^о (где в 1902 г. печатались «Проблемы идеализма», а в 1918 — «Из глубины»). Вероятно, была мысль печатать «Вехи» в типографии И. Д. Сытина, но из писем других участников сборника об этом ничего не известно.

58. См. письмо 23. Видимо, Гершензон не разобрал его подпись на открытке.

59. В «Новом времени» (13/26 июня 1909 г.) была напечатана заметка Ю-на «Вехи» и «Чехов», в которой автор цитировал те же слова Л. П. Чехова о русской интеллигенции, что и Гершензон в подстрочном примечании к своей статье во 2-м изд. «Вех»: «Я не верю в нашу интеллигенцию etc».

Далее Ю-н писал: «Почувствуют ли себя представители интеллигенции, плодящей одинаково и исправников и надутых марксистов, несколько сконфуженными, читая такого рода тирады? Нисколько. Когда Чехов, Толстой, Достоевский или кто-нибудь иной из числа тех, относиться к мнению которых пренебрежительно лицу, претендующему на звание интеллигента, все-таки неудобно, возвышает свой голос против интеллигенции, последняя просто-напросто делает вид, что ничто не слышит. Счастливый недостаток слуха!» (Новое время, 1909, No. 11943, с. 4).

60. Статья Андрея Белого «Правда о русской интеллигенции. По поводу сборника «Вехи» — один из немногочисленных положительных отзывов о «Вехах». Вот некоторые выдержки из нее: «Вышла замечательная книга «Вехи». Несколько русских интеллигентов сказали горькие слова о себе и нас; слова их проникнуты живым огнем и любовью к истине; ... печать не ответила авторам «Вех» добросовестным разбором их положений, а военно-полевым расстрелом сборника... Авторы «Вех» и не думали вовсе судить

интеллигенцию; они указали лишь на то, что препятствует русскому интеллигенту из раба отвлеченных мечтаний о свободе стать ее творцом; но, оказывается, авторы «Вех» не имели на это никакого права...

Доверие к Азефам русской действительности и военно-полевая расправа над всем оригинальным вдумчивым, самостоятельным — из одного общего корня: стадности при отсутствии правосознания; поэтому прав Б. А. Кистяковский, когда утверждает, что русская интеллигенция никогда не уважала права, .никогда не видела в нем ценности (...). «Вехи» подверглись жестокой расправе со стороны русской критики; этой расправе подвергалось все выдающееся, что появлялось в России. Шум, возбужденный «Вехами», не скоро утихнет; это — показатель того, что книга попала в цель» (Весы, 1909, No. 5, с. 65—68).

61. Бурцев Владимир Львович (1862—1942) — публицист и историк, издатель журнала «Былое», с 1907 г. жил за границей.

62. Одна из последних (по времени написания письма) статей, появившихся в «Речи» о «Вехах» — статья С. Озероского (1909, No. 139, 24 мая/6 июня). Статья является отчетом о выступлении И. М. Бикермана по поводу сборника «Вехи» в собрании литературного общества 22-го мая. Основной тезис Бикермана звучит так: «Вехи» плохи не потому, что они реакционны, а, вернее, реакционны потому, что они плохи. Смещение идей Толстого и Победоносцева, обрывки мыслей, ложные предпосылки, неверный диагноз — все это является типичными чертами наделавшего столько шума московского сборника».

63. Библиография «Вех» была напечатана в 4-м и 5-м изданиях сборника.

64. Судя по письму Гершензона к брату, 3-е изд. «Вех» вышло 17-го июля (Минувшее. Исторический альманах, 11, с. 285). По-видимому, тираж поступил в широкую продажу лишь в начале августа. «7-го сентября,— писал Гершензон В. В. Розанову,— от 3-го изд. уже ничего не осталось, печатаю 4-е с матрицей, потому что спрос не падает» (Вехи. Из глубины, с. 505).

65. Вероятно, «треножные известия» касались Марии Вильямовны в связи с предстоящими ей родами.

66. Четвертое издание «Вех» вышло в октябре 1909 г.

67. Кроме Д. И. Шаховского и В. Ключевского, все остальные из названных лиц стали авторами статей антивеховского сборника «Интеллигенция в России» (СПб., 1910). Д. И. Шаховской в ярославской газете «Голос» 3 апреля 1909 г. опубликовал статью «Слепые вожди слепых».

68. Мякотин Венедикт Александрович (1867—1937) — историк и публицист, член редакции журнала «Русское богатство».

69. Пешехонов Алексей Васильевич (1867—1933) — статистик, публицист и политический деятель. Автор антивеховской статьи «Новый поход против интеллигенции» (Русское богатство, 1909, No. 4, с. 100—126), которая заканчивается словами: «В предисловии... авторы «Вех» называют своих предшественников: Чаадаева, Соловьева, Толстого, «всех наших глубочайших писателей»... Мне кажется, это слишком великие для них предтечи. А предтечи у них были. Были: Крестовские, Стебницкие, Марковичи, Дьяковы-Незлобины... Много их было».

70. Статья С. Л. Франка о полемике вокруг «Вех» в КО напечатана не была. Франк опубликовал в газете «Слово» (1909, No. 752: 1 апреля) статью «Вехи» и их критики». Подробнее о намерении Гершензона дать в КО «веховский» анализ критических отзывов о сборнике и о причинах его неосуществленности см.: Вехи. Из глубины, с. 505.

71. В связи с предстоящим длительным отъездом за границу (в Германии и во Франции Кистяковский пробыл с января 1910 г. до начала осени 1911 г.). Его отъезд и убыточность издания КО послужили причиной прекращения журнала. Свое сожаление по поводу «гибели» КО С. Л. Франк высказал в письме к Гершензону от 18 декабря 1909 г. (см.: Минувшее. Исторический альманах, 11, с. 258—259).

72. В КО (1909, VI) была опубликована рецензия С. Л. Франка на книгу Э. Бутру «В. Джеймс и религиозный опыт» (М., 1908). Вероятно, поэтому Гершензон отклонил предложение Кистяковского написать рецензию на книги, посвященные У. Джеймсу (см. также письмо 34).

73. Имеется в виду «Жизнь Печорина» Гершензона, изданная в 1910 г.

74. Обещание «сняться», которое Кистяковский давал в письме 24.

75. Выгляжу совершенно больным (*нем.*).

76. Никаких результатов (*нем.*) На фотографии «пульпит», действительно, заметен.

77. За особую («любительскую») цену угробить? <20 марок (*нем.*)

78. Цитируемое место статьи и место предлагаемого примечания — в IV разделе статьи Кистяковского в сб. «Вехи» (см.: Вехи. Из глубины, с. 133). Примечание не было сделано.

79. Второй сын Кистяковских — Михаил.

80. Четырехлетний сын С. Н. Булгакова умер от нефрита. О впечатлении, произведенном этой смертью на Булгакова, см.: Сапов В. В., Филиппов А. Ф. «Христианская социология» С. П. Булгакова//Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Паука, 1990, с. 350—351.

81. Речь идет о рецензии Кистяковского на книгу П. Новгородцева «Кризис современного правосознания». М., 1909 (КО, 1909, VI, с. 76—81).

Вступительная статья, публикация и примечания
В. В. САПОВА